

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711

Научная статья / Research article

Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты

О.А. Тимакова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация. Китай является одним из самых значимых внерегиональных акторов в Средиземноморье — на 2021 г. он занимает место в первой тройке торговых партнеров практически всех государств региона. Китайская внешнеполитическая деятельность в Средиземноморье отражает рост значения геоэкономики, и в частности экономических инструментов внешней политики в стратегии КНР. Это связано с тем, что в Средиземноморском бассейне пересекаются маршруты «Морского Шелкового пути XXI века» и «Экономического пояса Шелкового пути», что делает регион перспективным для развития новых логистических путей, экономических коридоров и цепочек поставок. Несмотря на значительные последствия коронавирусных ограничений для мировой экономики и крупнейший экономический кризис последних лет, Китай не сократил свою глобальную активность. Именно пандемия может стать стимулом к развитию новых форматов сотрудничества в рамках «Одного пояса — одного пути» в Средиземноморье. Традиционная внешнеполитическая парадигма Китая предполагает акцент исключительно на экономическом взаимодействии и «невовлеченности» в политические вопросы. Де-факто же экономические отношения Китая со странами региона все более осложняются вопросами военно-политического взаимодействия. В статье классифицированы основные вопросы повестки дня в политической сфере и сфере безопасности, возникающие между Китаем и странами-партнерами в Средиземноморском регионе. Если в отношениях с государствами Европы превалирует дискурс прав человека и устойчивого развития, то во взаимодействии с государствами Северной Африки и Ближнего Востока на первый план выходят вопросы обеспечения безопасности в условиях общей нестабильности. Учитывая растущие экономические потребности Китая, весьма вероятно, что в среднесрочной перспективе произойдет доктринальное закрепление роли и места Китая в политическом процессе в Средиземноморье.

Ключевые слова: Китай, Средиземноморье, Один пояс — один путь, Европейский союз, арабские государства

Для цитирования: Тимакова О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 700—711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711

China's Relations with the Mediterranean States: Military and Political Aspects

Olga A. Timakova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

o.timakova@dipacademy.ru

Abstract. China is one of the most influential non-regional actors in the Mediterranean. As of 2021, it is ranked among the top three trading partners of almost all Mediterranean states. Chinese foreign policy in the

© Тимакова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Mediterranean reflects the growing importance of geoeconomics and, in particular, economic instruments of foreign policy in China's foreign policy strategy. The intersection of the routes of the "Maritime Silk Road of the 21st Century" and the "Silk Road Economic Belt" in the Mediterranean basin indicates the region's high potential for the development of new logistics routes, economic corridors and supply chains. Despite significant impact of the coronavirus restrictions on the global economy and the deepest economic crisis seen in recent years, China has not reduced its global activity. Actually, it is the pandemic that can become an incentive for the development of new formats of cooperation within the "Belt and Road" in the Mediterranean. China's traditional foreign policy paradigm presupposes emphasis exclusively on economic interaction and "non-involvement" in political issues. De facto China's economic relations with the countries of the region are increasingly complicated by military and political issues. The article categorizes the main political and security issues that arise between China and partner countries in the Mediterranean region. While the discourse of human rights and sustainable development prevails in relations with Europe, the issues of ensuring security and managing regional instability come to the fore when dealing with the states of North Africa and the Middle East. Given China's growing economic needs, it is likely that in the medium term there will be a doctrinal formalization of China's role in the political process in the Mediterranean region.

Key words: China, Mediterranean, Belt and Road Initiative, European Union, Arab countries

For citation: Timakova, O. A. (2021). China's relations with the Mediterranean states: Military and political aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 700—711. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711>

Введение

Китай — одна из крупнейших стран мира, которая интенсифицирует свою внешнеэкономическую деятельность в различных регионах мира, в частности в Средиземноморском бассейне. Статус Китая как ведущей в мире державы по совокупному ВВП не мог не сказаться на его политике и, как указывает, например, А.Д. Богатуров, «на манере общаться с внешним миром и приходиться к соглашениям» (Богатуров, 2019, с. 86).

Китайские официальные лица и экспертное сообщество редко используют термин Средиземноморье, исследуя политику Китая в отношении стран региона, и чаще обращаются к конкретным субрегионам: Южной Европе, Балканам, Северной Африке и Западной Азии. На данный момент в политике Китая не существует единой платформы или механизма для сотрудничества со странами Средиземноморья в целом (Семенов, Зонн, 2020). Между тем Средиземноморье является ключевым регионом для реализации крупнейшего инфраструктурного проекта Китая «Один пояс — один путь» (далее — ОПОП), так как именно там пересекаются сухопутный маршрут «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Более того, государства Средиземноморья, в частности его северного берега, являются

финальным пунктом назначения для тех продуктов, которые идут через ОПОП. Кроме того, регион также открывает доступ для китайских товаров, доставляемых в североамериканские порты на Атлантическом океане¹.

Коронавирусный кризис, начавшийся в 2020 г., привел к крупнейшему спаду мировой экономики за последние годы. Однако Китай, в отличие от стран Средиземноморья, потенциально выйдет из него без ощутимых потерь в темпах роста ВВП, что может сделать проекты ОПОП в регионе драйвером восстановления экономики в постпандемический период. Таким образом, вовлеченность Китая в дела региона может возрасти.

Второй краткосрочный кризис, вызванный блокадой Суэцкого канала судном Ever Given, остановил торговый поток через канал. Согласно списку Ллойда, блокада приводила к потерям примерно до 9 млрд долл. США в день². Это происшествие акцентировало

¹ Один пояс, один путь. Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века // Один пояс, один путь. 30.11.2017. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/ydylzt.htm> (дата обращения: 29.04.2021).

² Ever Given partially refloated raising hopes of Suez Canal reopening // Lloyd's List Intelligence. March 3, 2021. URL: <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/LL1136281/Ever-Given-partially-refloated-raising-hopes-of-Suez-Canal-reopening> (accessed: 29.04.2021).

внимание на важности развития сухопутных коридоров ОПОП, которые позволили бы не допустить аналогичного кризиса в будущем.

Экономические отношения Китая и стран региона все чаще затрагивают вопросы политического взаимодействия и разрешения проблем безопасности. Повестка дня в данных сферах получает все большее значение. В таких условиях сохранять исключительно экономические отношения между КНР и странами региона в рамках китайской внешнеполитической концепции «невовлеченности» становится невозможно. В статье будут классифицированы основные форматы взаимодействия Китая и государств Северного и Юго-Восточного берегов Средиземного моря в политической сфере и по вопросам безопасности.

«Один пояс — один путь» во внешней политике Китая

«Один пояс — один путь» — это не только проект, направленный на продвижение коммерческих, торговых и прочих экономических интересов Китая. Глава Китая Си Цзиньпин в мае 2017 г. назвал ОПОП «проектом века» и предложил рассматривать его как средство открытия рынков, решения проблемы избыточных экспортных мощностей, создания рабочих мест, сокращения регионального неравенства, содействия политической стабильности и безопасности через устойчивое развитие, а также процветания и восстановления китайских сфер влияния на Евразийском континенте и за его пределами³. Проект Си Цзиньпина получил статус государственной важности, когда был включен в Устав партии КНР в 2017 г., а официальной датой окончания проекта назван 2049 г. — столетний юбилей партии КНР (Blanchard, 2021, p. 34). Уже к 2021 г. общий объем торговли с государствами, участвующими в ОПОП, составляет почти 30 % всей внешнеэкономической деятельности Китая⁴.

³ Full Text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum // Xinhuanet. April 14, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 29.04.2021).

⁴ China in the Mid-Med: Connectivity and Security // ChinaMed. October 9, 2020. URL: <https://www.chinamed.it/>

Взаимодействие Китая со странами Средиземноморского бассейна в рамках проекта ОПОП основывается на серии документов и платформ сотрудничества. С 2015 г. для укрепления отношений между Китаем и странами северного побережья Средиземного моря (Греция, Италия, Испания, Кипр, Португалия и Мальта) создан Форум морского сотрудничества между Китаем и государствами Южной Европы. С каждым из государств на данный момент достигнут статус всеобъемлющего морского партнерства, что подразумевает создание государственных механизмов взаимодействия. Дополнительно по инициативе Китая еще в 2012 г. создана модель ежегодного форума в формате 16+1, которая объединяет Китай и 16 стран Центральной и Восточной Европы (среди участников как страны — члены ЕС, так и государства, еще не вступившие в Союз). После присоединения к формату Греции в 2019 г. форум был переименован в 17+1. Однако китайские эксперты отмечают, что в связи с институциональными изменениями в ЕС этот формат больше не рассматривается как перспективный вариант в краткосрочной перспективе (Vangeli, 2020).

Что касается сотрудничества со странами юго-восточного берега Средиземного моря, то необходимо выделить «Арабский программный документ» 2016 г.⁵ и «Видение и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» 2015 г.⁶, где отражена центральная роль экономического сотрудничества и развития во взаимодействии Китая со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Рамки сотрудничества, изложенные в этих документах, сосредоточены

[publications/china-in-the-mid-med-connectivity-and-security](https://www.chinamed.it/publications/china-in-the-mid-med-connectivity-and-security) (accessed: 29.04.2021).

⁵ Full text of China's Arab Policy Paper // China.org.cn. January 14, 2016. URL: http://www.china.org.cn/world/2016-01/14/content_37573547.htm (accessed: 26.04.2021).

⁶ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // Belt and Road Portal. March 30, 2015. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/qwfb/1084.htm> (accessed: 26.04.2021).

на энергетике, строительстве инфраструктуры, торговле и инвестициях в регион. Основы для более тесных отношений со странами этого региона были заложены еще к середине 2000-х гг., когда были созданы Форум сотрудничества Китая и арабских государств (CASCF) в 2004 г. и Форум сотрудничества Китая и Африки (FOCAC) в 2006 г. К концу 2010 г. также был основан Стратегический диалог между Китаем и странами Персидского залива.

В условиях ускоряющейся цифровизации мирового пространства расширяется сотрудничество и в сфере цифровых технологий. Поэтому кроме двух основных маршрутов ОПОП перспективным направлением, которое получает все большее развитие, стал «Цифровой Шелковый путь». В рамках этого проекта Китай продвигает китайский цифровой сектор, в том числе цифровую инфраструктуру, а также способствует принятию единых цифровых стандартов. В качестве примера можно привести сотрудничество в развитии умных городов, искусственного интеллекта, биотехнологий, финансовых технологий и электронной коммерции на основе технологии 5G⁷. В Средиземноморском регионе наивысшего уровня сотрудничества в данном проекте достигли арабские государства. Египет и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) подписали Меморандумы о взаимопонимании, согласно которым Китай будет участвовать в создании умных городов с полным подключением всей инфраструктуры к Интернету⁸. Хотя европейские страны согласовали план по ограничению проникновения китайских технологических компаний на свой рынок, они не распространяются на страны-кандидаты на вступление в ЕС. Сербия, например, в сентябре 2020 г. приветствовала помощь Huawei в модернизации

своей цифровой инфраструктуры⁹. Было подписано партнерское соглашение о прокладке широкополосного Интернета и реализации проекта умных городов. Другое направление «Цифрового шелкового пути» — развитие телекоммуникационной инфраструктуры. Hengtong Group — ведущий китайский производитель волоконно-оптических и силовых кабелей — возглавляет консорциум телекоммуникационных компаний из стран Африки, Пакистана и Гонконга и с 2017 г. ведет проект прокладки кабеля PEACE, что расшифровывается как «Пакистан и Восточная Африка соединяются с Европой», по дну Индийского океана в Средиземное море и к побережью Франции¹⁰.

Пандемия COVID-19 придала новый импульс развитию еще одного проекта ОПОП — «Шелкового пути здоровья» (*Facing forwards along the Health Silk Road*, 2017). Инициированный еще в 2017 г. в целях координации политики по поставкам медицинского оборудования и фармацевтических препаратов, сейчас он может позиционироваться как глобальный ответ на коронавирусный кризис и механизм содействия глобальному сотрудничеству в области здравоохранения. В качестве совмещения инициатив ОПОП в том числе предполагается цифровизация здравоохранения и использование новейших технологий для борьбы с болезнями (Глянц, 2020, с. 124). За время пандемии Китай быстро занял первое место по поставкам медицинского и защитного оборудования, тестов и диагностических приборов, что получило известность как «дипломатия масок». Во время первой волны пандемии Китай направлял команды врачей для помощи местным специалистам, например, в Сербию. Правительство Сербии также подписало несколько договоров с компанией BGI Genomics на строительство лабораторий для проведения тестов на

⁷ См., например: China — EU Summit Joint Statement // Belt and Road Portal. April 10, 2019. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/sbwj/85336.htm> (accessed: 26.04.2021).

⁸ The Digital Silk Road: Expanding China's Digital Footprint // Eurasian Group. April 8, 2020. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint-1.pdf> (accessed: 15.07.2021).

⁹ Vasovic A. Serbia chooses links with China to develop economy, telecoms despite U.S. warning campaign // Reuters. August 13, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-china-huawei-idUSKCN2592AN> (accessed: 26.04.2021).

¹⁰ Pakistan and East Africa Connecting Europe // PEACE Cable. URL: <http://www.peacecable.net/#about> (accessed: 26.04.2021).

коронавирусную инфекцию¹¹. Что касается Юго-Восточного Средиземноморья, то в данном случае «Шелковый путь здоровья» реализуется в том числе с помощью так называемой «вакцинной дипломатии». Из более чем 75 млн доз китайской вакцины от коронавируса, которые получили страны региона, почти 2 млн доз были поставлены на безвозмездной основе¹².

Проблемы и перспективы отношений Китая со странами Северного Средиземноморья

Инфраструктура проекта ОПОП на северном побережье Средиземного моря основывается на нескольких портах в странах Европы. Среди ключевых из них можно выделить порты в Греции, Италии и Испании. Порт Пирей в Греции еще в 2008 г. начал сотрудничество с Китаем, когда было подписано соглашение об аренде его двух терминалов. Затем в августе 2016 г. Китайская морская судоходная компания (COSCO) приобрела контрольный пакет акций порта, сделав его основой «Морского Шелкового пути XXI века» в Средиземном море. За этот период мощность, инфраструктура, операции и доходы порта значительно возросли благодаря китайским инвестициям, а также за счет увеличения объема импорта из Китая. Если в 2018 г. через порт проходили перевозки в объеме 4,9 млн ДФЭ, то в 2020 г. этот показатель увеличился до 5,43 млн, несмотря на экономический спад, вызванный пандемией¹³. Согласно договору с правительством Греции, в августе 2021 г. китайская компания получила еще 16 % акций¹⁴.

¹¹ Aixin L. China's Aid to Serbia Not Geopolitically Motivated, Meant for Strong, United EU: Expert // Global Times. April 9, 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185161.shtml> (accessed: 25.07.2021).

¹² China COVID-19 Vaccine Tracker // Bridge. URL: <https://bridgebeijing.com/our-publications/our-publications-1/china-covid-19-vaccines-tracker/> (accessed: 02.08.2021).

¹³ Greece's Piraeus Port Refilled with Vitality under BRI Cooperation // China Daily. September 8, 2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/08/WS61381b5da310efa1bd66e1a6.html> (accessed: 26.09.2021).

¹⁴ China's Cosco Tightens Grip on Piraeus Port by Raising Stake to 67 % // Greek Reporter. August 22, 2021.

Также COSCO приобрела 40-процентную долю в компании, которая управляет двумя терминалами в порту Вадо в Италии и в двух портах в Испании — Валенсии и Альхесираесе, производительность которых с 2015 г. выросла на 70 %¹⁵. С 2010 по 2019 г. рыночная доля портов Средиземного моря выросла на 4 %, тогда как за тот же период северо-европейские маршруты сократились на 5 % (Blanchard, 2019, p. 81).

В то же время результатом притока китайского капитала в такие порты, как Джибути (Джибути), Уолфиш-Бей (Намибия), Гвадар (Пакистан), Хамбантога (Шри-Ланка), Пирей (Греция), стало размещение там кораблей Народно-освободительной армии Китая и заключение военных соглашений. Иными словами, как отмечает ведущий научный сотрудник Института Африки РАН Т.Л. Дейч, посредством прямого инвестирования Пекин решает и геостратегические задачи (Дейч, 2020, с. 120).

Сухопутная инфраструктура «Экономического пояса Шелкового пути» проходит через страны Западных Балкан, Центральной и Восточной Европы. Европейские аналитики объясняют политику Китая в Балканском регионе в рамках проекта ОПОП с геополитической точки зрения. Данный регион рассматривается как «черный ход» для укрепления позиций КНР в Европе, а также для противодействия повестке США и ЕС в политическом процессе стран Балканского полуострова, не являющихся членами ЕС (Pavličević, 2018). Ключевым же для политики Китая является не Балканский регион, а его соседи — государства Западной Европы и Европейский союз в целом.

Отношения Китая с государствами Европы строятся неравномерно. С одной стороны, по мнению члена-корреспондента РАН М.Г. Носова, в отношениях КНР со странами

URL: <https://greekreporter.com/2021/08/22/china-cosco-tightens-grip-piraeus-port/> (accessed: 26.09.2021).

¹⁵ Glass D. China and Greece Pledge Joint Work on Belt and Road Initiative // Seatrade Maritime News. September 11, 2020. URL: <https://www.seatrademaritime.com/ports-logistics/china-and-greece-pledge-joint-work-belt-and-road-initiative> (accessed: 29.04.2021).

ЕС, «если не считать давно ставшими ритуальными дебатами по вопросам соблюдения прав человека в Китае и визитов Далай-ламы в Европу, нет идеологических конфликтов. Их экономики высокоразвиты и вполне сопоставимы, что в целом обеспечивает баланс интересов, а географическая отдаленность лишает их военно-стратегических противоречий» (Носов, 2018, с. 15). ЕС, осознавая значимость экономического сотрудничества с Китаем, пытается не быть втянутым в торговую войну США и Китая. Согласно последним данным Eurostat, в 2020 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером ЕС: импорт из Китая достиг отметки в 383,4 млрд евро, а экспорт — 202,5 млрд евро¹⁶. С другой стороны, политические элиты Европейского союза уже много лет не могут достичь консенсуса по общей политике в отношении Китая (Жильцов, 2019; Veretta, Berkofsky & Zhang, 2017).

Однако, по мнению А.В. Цвыка, «Брюссель не может не беспокоить тот факт, что Китай предпочитает развивать отношения на двустороннем уровне со странами ЦВЕ, которые зачастую не согласовывают свои действия с Брюсселем» (Цзык, 2019, с. 109). Например, к 2019 г. 11 государств Европы уже подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в рамках ОПОП. В том числе это сделали Италия, Португалия, Хорватия и Венгрия — государства, через которые уже проходит инфраструктура ОПОП из Средиземноморья в Европу, что вызывает серьезную озабоченность руководства Европейского союза (Гаврилова, 2020). В глазах Брюсселя главная проблема заключается в том, что подписание меморандума о взаимопонимании в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» между Китаем и Италией, которая является одной из стран — основательниц ЕС и страной — участницей G7, может поставить под угрозу попытку

Европы создать единый переговорный фронт в отношении Пекина¹⁷.

В апреле 2019 г. в рамках ЕС был принят Регламент проверки иностранных инвестиций, что полностью переводит их в сферу компетенции Союза. Регламент играет важную роль в исключительных случаях, когда иностранные инвесторы стремятся приобрести активы, важные для национальных интересов ЕС. Регламент снабдил Брюссель политическими рамками и общими критериями по выявлению рисков, связанных с приобретением стратегических активов или контролем над ними в случаях, когда это представляет угрозу безопасности или общественному порядку. Кроме того, это также формирует рамки сотрудничества между государствами-членами и Комиссией: последняя оценивает прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в государствах-членах и облегчает принятие окончательного решения европейским государством, где планируются или уже были совершены прямые иностранные инвестиции¹⁸.

Отсутствует консенсус и в отношении некоторых проблем экономического сотрудничества. Среди наиболее существенных можно отметить непрозрачность, перерасход средств, коррупцию и низкую экологическую эффективность проектов ОПОП. В 2018 г. 27 из 28 послов стран ЕС в Китае подготовили доклад, в котором сошлись во мнении, что ОПОП представляет «угрозу международным нормам прозрачности и открытости», а также «противоречит повестке дня ЕС по либерализации торговли и изменяет баланс сил в пользу субсидируемых Китаем компаний»¹⁹. Страны Европы также устанавливают

¹⁷ Проди Дж., Фарделла Э. Чем опасен «один путь» Италии и Китая для США и ЕС? // Валдай. 28.03.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/odin-put-italii-i-kitaya/> (дата обращения: 29.04.2021).

¹⁸ Screening of Foreign Direct Investment // European Commission. April 10, 2019. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2006> (accessed: 19.07.2021).

¹⁹ Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy // European Economic and Social Committee. September 19, 2018. URL <https://www.eesc.europa.eu/en/our-work/opinions-information-reports/opinions/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy> (accessed: 29.04.2021).

¹⁶ Client and Supplier Countries of the EU27 in Merchandise Trade // Directorate General for Trade, European Commission. April 12, 2021. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.pdf (accessed: 29.04.2021).

требования по найму местной рабочей силы при реализации проектов ОПОП. В свою очередь, китайские эксперты отмечают, что наибольшая эффективность, а соответственно, и экономическая выгода достигаются при привлечении китайских работников на условиях КНР (Silin et al., 2018). В частности, китайский бизнес обвиняет Европу в применении против него протекционистских мер²⁰. Кроме того, реализация многих заявленных проектов откладывается, другие так и не были запущены, что сказывается на ожиданиях партнеров Китая в Европе. Более того, после взаимных политических санкций весной 2021 г. Европейская комиссия решила заморозить реализацию Всеобъемлющего соглашения по инвестициям, о заключении которого было объявлено в конце декабря 2020 г.²¹

Неопределенными становятся и политические отношения. С 1989 г. в ЕС действует эмбарго на продажу оружия в Китай. В стратегическом обзоре ЕАВС 2019 г. Китай классифицируется не только как партнер, но и как «конкурент» и «системный соперник»²². Одновременно в выступлении председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен на саммите ЕС — Китай, состоявшемся в июне 2020 г., отмечалось, что восстановление мира после пандемии невозможно без сотрудничества ЕС и Китая, однако отношения между ними, хотя и «являются стратегически значимыми, представляют собой наиболее сложный вызов для Европы»²³.

²⁰ China and the Mediterranean: Open for Business // European Council on Foreign Relations. June 21, 2017. URL: https://ecfr.eu/publication/china_and_the_mediterranean_open_for_business/ (accessed: 29.04.2021).

²¹ European Parliament Votes through Motion to Freeze China Investment Deal, Risking Bloc's Economy amid Political Self-Entertainment // Global Times. May 21, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224083.shtml> (accessed: 07.07.2021).

²² EU — China Relations Factsheet // European External Action Service. June 20, 2020. URL: https://eeas.europa.eu/topics/external-investment-plan/34728/eu-china-relations-factsheet_en (accessed: 29.04.2021).

²³ Von der Leyen following EU — China Summit: We Must Make Progress, One That Implies Reciprocity and Trust // European Commission. June 22, 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ac_20_1170 (accessed: 29.04.2021).

Европейская общественность также настроена настороженно в отношении Китая. Согласно опросу Института Тони Блэра, 60 % французов смотрят на китайское правительство в негативном свете, и их мнение о китайском правительстве ухудшилось во время пандемии. До 44 % респондентов считают правительство Китая ответственным за серьезные последствия пандемии²⁴.

Значительное место в повестке дня отношений стран ЕС и Китая занимают насущные для Европы вопросы демократии, прав человека и экологической проблематики²⁵. Европарламент обращает внимание на сложную внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, коррупцию и как следствие — нарушения прав человека²⁶. В западном экспертном сообществе получила распространение аббревиатура 4ТНКХЖ, которая расшифровывается как «Тайвань, Тибет, площадь Тяньаньмэнь, Коммунистическая партия, Гонконг, Синьцзян» и является призывом к правительствам западных государств привлечь Китай к ответственности по обвинениям в нарушении прав человека²⁷. Первый раунд санкций в отношении официальных лиц Китая по обвинению в нарушении прав человека был введен в первой половине 2021 г.²⁸

²⁴ China's Role in the World // Tony Blair Institute for Global Change. June 15, 2020. URL: <https://institute.global/sites/default/files/2020-06/Tony%20Blair%20Institute%2C%20China%27s%20Role%20in%20the%20World.pdf> (accessed: 29.04.2021).

²⁵ Brattberg E., Le Corre P. The EU and China in 2020: More Competition Ahead // Carnegie Endowment for International Peace. February 19, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/02/19/eu-and-china-in-2020-more-competition-ahead-pub-81096> (accessed: 26.09.2021).

²⁶ Saarela A. A New Era in EU – China Relations: More Wide-Ranging Strategic Cooperation? // Directorate-General for External Policies, European Parliament. July 19, 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU\(2018\)570493_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU(2018)570493_EN.pdf) (accessed: 26.03.2021).

²⁷ Ruehlig T. Towards a More Principled European China Policy // French Institute of International Relations. November 30, 2020. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ruehlig_european_china_policy_2020.pdf (accessed: 26.05.2021).

²⁸ Chair's Statement of 23 March 2021 on EU Sanctions on Human Rights Violations; Counter-sanctions

Сотрудничество Китая с государствами Юго-Восточного Средиземноморья

Изначально государства Юго-Восточного Средиземноморья не входили в финальный пункт назначения проекта ОПОП. Для большинства стран региона, которые не поставляют энергоресурсы в Китай, он является преимущественно источником импорта. Торговые отношения Китая с арабскими странами остаются одними из наименее развитых. На сегодняшний день у Китая нет ни одного соглашения о зоне свободной торговли с государствами Юго-Восточного Средиземноморья²⁹. Высший уровень дипломатических отношений между Китаем и странами региона — всеобъемлющее стратегическое партнерство — установлено с пятью странами: Алжиром, Египтом, Ираном, Саудовской Аравией и ОАЭ. Отношения с еще восемью государствами находятся на уровне партнерства.

Страны — стратегические партнеры являются ключевыми поставщиками энергоресурсов для Китая. Прямые инвестиции в проекты данной сферы в этих государствах имеют первостепенную важность для КНР. За последние пять лет 58 % прямых инвестиций Китая были направлены на развитие энергетического сектора, из них 40 % — в нефтегазовую сферу, еще 15 % — в сельское хозяйство, вторую по важности сферу для КНР. Наибольший объем инвестиций направлен в Израиль (10 млрд долл. США) и ОАЭ (7,79 млрд долл. США)³⁰.

Когда инфраструктура ОПОП протянулась и на Юго-Восточное побережье Средиземного моря, намного больший объем финансирования стали получать инфраструктурные и строительные проекты. За пятилетний период их сумма превысила 100 млрд

долл. США. В данном случае ключевыми странами-получателями стали Саудовская Аравия (35,5 млрд долл. США), ОАЭ (28,4 млрд долл. США), Алжир (24,6 млрд долл. США) и Египет (19,1 млрд долл. США)³¹.

Особая значимость здесь также придается аренде портов со стратегически значимым местоположением. Среди них можно выделить аренду порта Черчель в Алжире и, кроме того, начавшееся в 2016 г. строительство нового порта Аль-Хамдания также в Алжире. Проект стоимостью более 6 млрд долл. США должен будет обладать пропускной способностью в 6,5 млн ДФЭ и создать в Алжире распределительный коридор товаров протяженностью в 4,6 тыс. км между Центральной Африкой через Транссахарское шоссе и Европой, соединив два берега Средиземного моря³².

Сотрудничество между Китаем и Египтом, например, напрямую связано со специальными экономическими зонами. Одна из таких зон, в которой Китай является главным инвестором, предполагает превращение района Суэцкого канала в крупный глобальный коммерческий центр с промышленными, технологическими и сельскохозяйственными зонами, жилыми и торговыми комплексами и современными морскими портами. Среди прочего это влечет за собой реализацию таких проектов, как строительство второго канала, параллельного существующему, мостов, туннелей, более совершенных телекоммуникационных систем, промышленных парков и особых экономических зон, совершенствование логистики, а также улучшение терминалов, судостроительных предприятий и новых доков в таких портах, как Порт-Саид и Адабия³³.

by the PRC // European Parliament. March 23, 2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/chair-s-statement-of-23-march-2021-on-eu/product-details/20210324DPU29209> (accessed: 26.05.2021).

²⁹ *China FTA Network* // China's Ministry of Commerce (MOFCOM). URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed: 20.07.2021).

³⁰ *China Global Investment Tracker* // American Enterprise Institute (AEI). URL: www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 19.07.2021).

³¹ Ibid.

³² Tanchum M., Alvarez-Ariztegui N. *China's Chance to Bridge the Algeria — Morocco divide* // East Asia Forum. March 12, 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/03/12/chinas-chance-to-bridge-the-algeria-morocco-divide/> (accessed: 29.04.2021).

³³ См.: Ghoneim A.F. *Egypt's Suez Canal Corridor Project* // Middle East Institute, August 19, 2014. URL: <https://www.mei.edu/publications/egypts-suez-canal-corridor-project-0> (accessed: 29.04.2021); *China Now Biggest Investor in Suez* // China Daily. March 23, 2017.

Полностью исключить вопросы политики и безопасности из повестки дня Китая становится невозможно. КНР не может оставаться невовлеченным в некоторых ситуациях. Обеспечение собственных экономических интересов стало важным стимулом, например, для поддержания стабильности в регионе посредством участия в миссиях по борьбе с пиратством, а также в совместных военных учениях (Horesh, 2016; Shichor, 2018). Китай реализует программы обмена визитами высокопоставленных военных, а также иницирует программы курсов подготовки для ближневосточных военных на своей территории. Китай также является одним из ключевых поставщиков вооружения в страны Ближнего Востока и Северной Африки³⁴.

Революционные процессы «арабской весны», которые начались в 2011 г. и продолжаются до сих пор, не только повлекли непредвиденные экономические потери для Китая, но и поставили его перед необходимостью впервые использовать вооруженные силы КНР за границей. Во время протестов в Египте в 2011 г. китайское правительство было вынуждено организовать вывозные чартерные рейсы для 2000 своих граждан³⁵. В 2012 г. 25 китайских рабочих были взяты в плен группой вооруженных повстанцев, но руководству Китая быстро удалось их освободить³⁶.

Во время ливийского кризиса в 2011 г. 36 тыс. граждан Китая нуждались в эвакуации. Кроме того, ливийский конфликт стал важным опытом для политики тщательного балансирования Китая. Во время событий

URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/23/content_28648386.htm (accessed: 29.04.2021).

³⁴ China's Impact on Conflict Dynamics in the Red Sea Arena // United States Institute of Peace. April 24, 2020. URL: <https://www.usip.org/publications/2020/04/chinas-impact-conflict-dynamics-red-sea-arena> (accessed: 16.07.2021).

³⁵ Backgrounder: China's Major Overseas Evacuations in Recent Years // China Daily. March 30, 2015. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2015-03/30/content_19954649.htm (accessed: 22.07.2021).

³⁶ Kidnapped Chinese Workers Freed in Egypt's Sinai Region // BBC. February 1, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-16828127> (accessed: 22.07.2021).

2011 г. КНР открыто поддержала действующее тогда правительство Ливии, что в дальнейшем создало напряженную ситуацию по налаживанию сотрудничества с Переходным национальным советом. На данный момент Китай быстро адаптируется к изменениям в Ливии. Поддерживая международно признанное Правительство национального согласия, КНР одновременно сохраняет отношения с Ливийской национальной армией³⁷.

В 2015 г. ВМС Китая осуществили еще одну миссию, на этот раз в Адене (Йемен), по эвакуации людей из зоны конфликтов, но в этот раз помощь была оказана в том числе и иностранным гражданам (Chaziza, 2020). Уже в 2020 г. эвакуация потребовалась гражданам Китая, которые работали в провинции Тыграй в Эфиопии³⁸.

Расширение интересов и присутствия Китая в регионе, а также необходимость защиты растущего числа китайских граждан в условиях продолжающейся нестабильности «арабской весны» выявили необходимость пересмотра традиционного подхода Китая о невмешательстве, дав развитие дискурсу о новой роли и ответственности КНР³⁹. Сама реализация инициативы «Один пояс — один путь» также может быть подвержена угрозам безопасности. В апреле 2017 г. Ассоциация междилерских брокеров Китая и Китайская академия общественных наук выпустили «Синюю книгу иностранных инвестиций и рисков»⁴⁰, где подчеркивается,

³⁷ Ramani S. Where Does China Stand on the Libya Conflict? // The Diplomat. June 18, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/where-does-china-stand-on-the-libya-conflict/> (accessed: 17.07.2021).

³⁸ Bodetti A. What Ethiopia's Ethnic Unrest Means for China // The Diplomat. December 10, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/what-ethiopias-ethnic-unrest-means-for-china/> (accessed: 22.07.2021).

³⁹ Scobell A., Nadel A. China in the Middle East: The Wary Dragon // Rand Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1229.html (accessed: 26.04.2021).

⁴⁰ Wuthnow J. Chinese Perspectives on the Belt and Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications // National Defense University Press. September 27, 2017. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/china/ChinaPerspectives-12.pdf?ver=2017-09-27-133545-700> (accessed: 26.04.2021).

что религиозные и этнические факторы, геополитические изменения и глобальные экономические дисбалансы представляют собой риски и проблемы для китайских иностранных инвестиций.

Концепция «Новой арабской политики Китая» впервые появилась на официальном сайте Государственного совета КНР, а впоследствии и в официальных китайских СМИ в 2016 г. во время визита Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Египет и Иран. По мнению эксперта МГИМО А.В. Худайкуловой, «в результате Китай плавно принял стратегию перехода от невмешательства во внутренние дела к более активному подходу неравнодушия, выступая в качестве посредника между сторонами конфликта» (Khudaykulova, 2019, p. 427).

Другая проблема в сфере безопасности для Китая связана с боевиками и радикальными исламистами, находящимися в зонах нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. СМИ сообщают о масштабных уйгурских джихадистских лагерях в сирийской провинции Идлиб. Присутствие антикитайских террористов, использующих сирийскую базу также для нападений на китайские объекты и китайских граждан, не может не вызывать серьезную озабоченность в Пекине⁴¹. Осложняет данную ситуацию прямая и косвенная поддержка этих групп, которую они могут получить, например, от Турции и Саудовской Аравии.

Что касается политического сотрудничества, то здесь наблюдается постепенное формирование консенсуса. Так, Египет поддержал позицию КНР по ряду вопросов, включая политику китайского правительства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В 2019 г. другие страны региона, участвовавшие в Форуме сотрудничества китайских и арабских государств, также подтвердили принцип невмешательства во внутренние дела других стран⁴². Не только

политические элиты, но и широкая общественность настроены преимущественно положительно к политике Китая в регионе, что подтверждается опросами общественного мнения⁴³. Что касается разворачивающегося кризиса по поводу ГЭС Хидасэ между Египтом, Эфиопией и Суданом, эксперты, которых опрашивали журналисты «Аль-Джазир», сошлись во мнении, что Китай стал бы лучшим посредником по его разрешению, а правительствам стран следовало бы привлечь его к этой роли⁴⁴.

Страны Северной Африки заинтересованы в более масштабных китайских инвестициях в свой регион в рамках проекта ОПОП. В то же время сотрудничество между государствами Юго-Восточного Средиземноморья и Китаем может представлять угрозу для них самих. Эксперты, в основном западные, акцентируют внимание, что, как правило, упускаются из виду некоторые проблемные условия и обстоятельства, связанные с этими инвестициями, что уже привело к ряду проблем в реализации проектов Китая в Африке, Центральной Азии, Южной Азии и Европе (Bianchi, 2019). Проблема так называемой «дипломатии долговых ловушек», например, подтверждается в заявлении управляющего директора МВФ, которая предостерегает Китай от излишнего финансирования проектов в тех государствах, которые потенциально не смогут выплатить долг, что поставит их в зависимость от КНР⁴⁵. Однако сам Китай

East Monitor. October 31, 2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20191031-egypt-praises-chinas-remarkable-rights-achievements-despite-uyghur-crackdown/> (accessed: 29.04.2021).

⁴³ Arab Barometer. 2020. URL: www.arabbarometer.org/ (accessed: 15.07.2021).

⁴⁴ Siddiq M. Hal min dawr mumkin lil-siyn fi hali 'azmat sami al-nahdati? Wama 'awraq al-daght al-misriyyat ealaa bikin? [Сиддик М. Может ли Китай сыграть роль в разрешении строительства дамбы Великого Эфиопского Возрождения? Какие рычаги давления на Китай есть у Каира?] // Al-Jazeera. 26.06.2021. URL: <https://www.aljazeera.net/news/politics/2021/6/29/هل-من-سد-أزمة-حلحلة-في-الصين-ممكن-دور> (accessed: 29.07.2021). (На арабском языке).

⁴⁵ Glover C. IMF's Lagarde Warns China on Belt and Road Debt // Financial Times. April 12, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/8e6d98e2-3ded-11e8-b7e0-52972418fec4> (accessed: 29.04.2021).

⁴¹ Dzyubenko O. Kyrgyzstan Says Uighur Militant Groups behind Attack on China's Embassy // Reuters. September 6, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-kyrgyzstan-blast-china-idUSKCN11C1DK> (accessed: 29.04.2021).

⁴² Egypt Praises China's 'Remarkable Rights Achievements' Despite Uyghur Crackdown // Middle

отрицает данные обвинения, а статистические данные на выборке из более 40 случаев демонстрируют, что Пекин придерживается более сбалансированного подхода — от продления сроков займа и рефинансирования до частичного или даже полного списания долгов⁴⁶.

Заключение

Еще десять лет назад присутствие Китая в Средиземноморье было незначительным. К 2021 г. благодаря проекту «Один пояс — один путь» и связанным с ним институтам (таким как платформа 17+1) степень взаимодействия между Китаем и странами региона значительно увеличилась, перейдя от экономического сотрудничества и инвестиционных проектов до координации программ развития и обмена между представителями научного,

культурного, академического и предпринимательского сообществ.

Официальные лица Китая настаивают на том, что политика КНР носит взаимовыгодный экономический характер, а проект «Один пояс — один путь» не является геополитическим орудием. Несмотря на то, что ОПОП позиционируется в первую очередь как программа инвестиций в инфраструктурные проекты — даже мегапроекты, в реальности эта инициатива создает сложные и долгосрочные рамки взаимозависимости. Когда на повестке дня в регионе возникают вопросы безопасности китайским интересам или политические проблемы, позиция Китая по умолчанию состоит в том, чтобы поощрять диалог, воздерживаться от принятия чьей-либо стороны, а также поддерживать национальный суверенитет и цели устойчивого развития. Однако растущая политизация китайского присутствия в средиземноморском пространстве может создавать ситуации, для решения которых Китаю придется адаптировать свою политику «невовлеченности».

⁴⁶ Kratz A., Feng A., Wright L. New Data on the “Debt Trap” Question // Rhodium Group. April 29, 2019. URL: <https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/> (accessed: 28.07.2021).

Поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Богатуров А.Д. Китайский угол в миротехническом управлении // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 85—95. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.07 [Bogaturov, A. D. (2019). The Chinese angle in the world-system management. *Polis. Political Studies*, (5), 85—95. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07>]
- Гаврилова С.М. Россия и Италия: тенденции сотрудничества // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2(24). С. 64—77. [Gavrilova, S. M. (2020). Russia and Italy: Trends in cooperation. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii MID Rossii. Rossiya i Mir*, (2), 64—77. (In Russian).]
- Глянц М.Г. Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» и пандемия коронавируса // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 120—129. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129 [Glantz, M. G. (2020). China’s One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Coronavirus pandemic. *Post-Soviet Issues*, (7), 120—129. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>]
- Дейч Т.Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 118—127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127 [Deich, T. L. (2020). Africa’s place in the Chinese initiative “One Belt, One Road”. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(2), 118—127. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127>]
- Жильцов С.С. Инициатива «Один пояс — один путь»: движение Китая к мировому лидерству // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4(22). С. 196—202. [Zhiltsov, S. S. (2019). “One Belt — One Road” initiative: China’s movement to global leadership. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii MID Rossii. Rossiya i Mir*, (4), 196—202. (In Russian).]
- Носов М.Г. ЕС и Китай: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6. С. 5—17. DOI: 10.15211/soveurope620180517 [Nosov, M. G. (2018). EU and China: Trade or strategy. *Contemporary Europe*, (6), 5—17. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope620180517>]

- Семенов А.В., Зонн И.С. Энциклопедизация Средиземноморского пространства // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(4). С. 460—469. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469 [Semenov, A. V., & Zonn, I. S. (2020). Mediterranean region encyclopedia. *Post-Soviet Issues*, (7), 460—469. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469>]
- Цвык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. 2019. № 1. С. 104—112. DOI: 10.15211/soveurope12019104112 [Tsvyk, A. V. (2019). The “Belt and Road” initiative: A view from Europe. *Contemporary Europe*, (1), 104—112. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope12019104112>]
- Beretta, S., Berkofsky, A., & Zhang, L. (2017). *Understanding China today*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-29625-8>
- Bianchi, R. R. (2019). *China and the Islamic world: How the New Silk Road is transforming global politics*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190915285.001.0001>
- Blanchard, J.-M. F. (2019). Chinese outward foreign direct investment (COFDI): A primer and assessment of the state of COFDI. In K. Zeng (Ed.), *Handbook on the international political economy of China* (pp. 76—97). Cheltenham: Elgar.
- Blanchard, J.-M. F. (2021). *China’s Maritime Silk Road Initiative, Africa and the Middle East*. Singapore: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-33-4013-8>
- Chaziza, M. (2020). *China’s Middle East diplomacy: The Belt and Road strategic partnership*. East Sussex: Sussex Academic Press.
- Facing forwards along the Health Silk Road. (2017). *The Lancet Global Health*, 5(10), e948. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(17\)30349-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(17)30349-2)
- Horesh, N. (Ed.). (2016). *Toward well-oiled relations? China’s presence in the Middle East following the Arab Spring*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137539793>
- Khudaykulova, A. V. (2019). China as an emerging actor in conflict management: From non-interference in internal affairs to “constructive” engagement. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(3), 420—431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>
- Pavličević, D. (2018). A power shift underway in Europe? China’s relationship with Central and Eastern Europe under the Belt and Road Initiative. In L. Xing (Ed.), *Mapping China’s “One Belt One Road” Initiative* (pp. 249—278). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92201-0_10
- Shichor, Y. (2018). Vision, revision, and supervision: The politics of China’s OBOR and AIIB and their implications for the Middle East. In A. Ehteshami & N. Horesh (Eds.), *China’s presence in the Middle East: The implications of the One Belt, One Road initiative* (pp. 38—53). Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315185736>
- Silin, Y., Kapustina, L., Trevisan, I., & Drevalev, A. (2018). The Silk Road economic belt: Balance of interests. *Economic and Political Studies*, 6(3), 293—318. <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>
- Vangeli, A. (2020). *China’s Belt and Road in the Balkans in the post-COVID-19 era*. European Institute of the Mediterranean. Retrieved from https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/01/5.1.3.3-Cvijic-2020-02-16T184332Z_1075847178_RC2U1F9VJ9XW_RTRMADP_3_EU-BALKANS-1.jpg

Сведения об авторе: Тимакова Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России; ORCID: 0000-0003-4185-0194; e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

About the author: Timakova Olga Alexandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ORCID: 0000-0003-4185-0194; e-mail: o.timakova@dipacademy.ru